

И. Ф.
ГОРБУНОВ

Сочинения

Иван Федорович Горбунов

Нана

(Сцены из купеческого быта)

«Хотел удавиться!.. Сестра упростила глупости этой не делать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку, да в печку бросила. И Нана, и все слова, и все обстоятельства, все сгорело!.. В четверг повестка... к мировому!..»

Иван Федорович Горбунов
Нана

— Ну, какое же, Василий Иванович, теперича ваше положение опосля папашинной смерти?

— Хуже быть нельзя... острог! При тятеньке хоша и строгое положение было, а все терпеть можно, а теперь... Ты думаешь — я купеческий сын? Арестант я и больше ничего! При тятеньке, помнишь, в Париж раз с бухгалтером ездил, в Нижнем крутился... И не приберет ее Господь Царь небесный!

— Кого, сударь?

— Бабушку! Ведь она опекуншей назначена. Ну, и шабаш! Ни направо, ни налево! Сидит с монашенками, Бибелью али Чикминой по складам разбирают... Т. е., завтра она умрет, а послезавтра я всему оставшему капиталу решение сделаю... весь капитал, с радости, пропью! Двух старцев теперича ко мне приставили для наставления. Один — то еще ничего... пьет; а другой, окромя кровочистительных капель, ничего не трогает. Намедни они меня до того довели: — бабушка, говорю, Маланья

Егоровна, я очумею! – Это, говорит, тебе на пользу... Веришь ты!.. (Плачет). Под векселя никто не дает – опасаются – несовершеннолетний, а этого случая надо еще два года ждать. За это время она мне всю душу вымотает. Сестру тоже поедом ест... Ну, той ничего! Та девушка такая – за ней хоть в подозорную трубу смотри – ничего не увидишь.

– Ну, а дяденька как?

– Тот дурак! Только кажется умным, а заставь трем свиньям щи разлить – не сумеет. Уж то возьми: в баню идет – медаль надевает! Дурак естественный! Я всех умней, из всей нашей фамилии, но только я самый что ни на есть несчастный человек! Вот хошь бы теперь в беду попал – за что? Страм теперича пойдет по всему городу. Уж из «С.-Петербургского Листка» приходили опрашивать. Дворник сказал дома нет, скрывается.

– В чем же беда-то ваша?

– Видишь ты, милый человек: иду я по

Невскому, смотрю – большое стечение публики. К городовому: – по какому случаю? А по такому, говорит, случаю – картину рассматривают. А господин какой-то говорит, Нана выставлена. Взшел, посмотрел – ничего нет удивительного, а как обнаковенно. Старичок только какой-то, в черненьком паричке, хотел рукой погладить, да не достал. И сейчас этот старичок оборотился ко мне с разговором: вы, говорит, еще не видали? Нет, говорю. А я, говорит, десятый раз смотрю и все налюбоваться не могу. Что ж, говорю, Бобелина чудесная. А вы, говорит, роман Нана читали? Нет. Почитайте, вам, как молодому человеку, очень приятно будет. Там, говорит, все обстоятельства обозначены вовсю! И глаз это у него так и завертелся. И слова на их счет такие, что и пропечатать на нашем языке невозможно, надо по-французски. И вонзил он мне в самое сердце такой кинжал – как ни старался – не мог вытащить. Давай Нана да и шабаш! Книжку купил, пошел к одному знакомому приказчику в перинную линию, хватался, что умеет по-французски. Тот слов пять разобрал – бросил: не при нем писано.

Ну, а мне все одно хошь умирать! И сказали мне, что в Казанской улице живет с матерью девица и французским языком орудовать может. К ней. Бедная, худая, волосы подрезаны в скобку; мать тоже старуха старая, слепая... Видно, что дня три не ели... Грусть на меня напала! Вот, думаю, обделил Господь. Можете, говорю, перевести на наш язык французскую книжку? Посмотрела. Извольте, говорит. Что это будет стоить? Семьдесят пять рублей. Это, говорю, мы не в силах... За пятнадцать рубликов нельзя ли? Она так глаза и вытаращила, а глаза такие добрые, чудесные... Инда мне совестно стало. Вы, говорю, не обижайтесь: мы этим товаром не торгуем, цен на него не знаем. Я, говорит, с вас беру очень дешево и то потому, что нам с мамашей есть нечего, а по щекам слезы, словно ртуть, скатились. Жалко мне ее стало, чувствую этакой переверот в душе. Извольте, говорю, только чтоб перевод был сделан на чести, чтобы все слова и обстоятельства... Покончили. Зашел как-то через неделю наведаться, смотрю – сидит, строчит.

Матери не в зачет рубль дал на кофий. Покончила она все это дело, да, не дождалшись

меня, на Калашникову и приперла. Вошла в калитку-то, собаки как зальются: – чужого народу к нам не ходит... А бабушку в это время в экипаж усаживали, в баню везти, бобковой мазью оттирать... Что за человек? Зачем? К кому? По какому случаю? Все дело-то и обозначилось. Уж они меня с дядей терзали, терзали, старцы-то меня точили, точили...

Хотел удавиться!.. Сестра упростила глупости этой не делать. Бабушка взяла эту книжку и тетрадку, да в печку бросила. И Нана, и все слова, и все обстоятельства, все сгорело!.. В четверг повестка... к мировому! Бабушку за безобразие, меня, должно быть, за малодушество, а дядю, как он есть дикий, нескладный человек, за грубое обращение... Ищу адвоката. Был у одного, да не пондравился. Чем, говорю, прикажете вас вознаграждать, потому как всю нашу фамилию судить будут? Встал этак, выпрямился: – Мне кажется, говорит, что опосля изобретения денежных знаков ваш вопрос совершенно лишний. В доме теперь смятение. Бабушка боится, что ее будут к присяге пригонять; дядя сомневается насчет своих слов не хороших, а я третий день дома

не ночью – пью без просыпа...